

Православная религиозная организация — учреждение
высшего профессионального религиозного образования Русской Православной Церкви
«ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ ДУХОВНАЯ СЕМИНАРИЯ»

ЦЕРКОВЬ БОГОСЛОВИЕ ИСТОРИЯ

Материалы
Всероссийской научно-богословской конференции
(Екатеринбург, 12 февраля 2013 г.)

Екатеринбург
Информационно-издательский отдел ЕДС
2014

УДК 250.5
ББК 86.2/3
Ц 44

По благословению Высокопреосвященного Кирилла,
митрополита Екатеринбургского и Верхотурского

Ц 44 **Церковь. Богословие. История:** материалы Всероссийской научно-богословской конференции (Екатеринбург, 12 февраля 2013 г.). — Екатеринбург: Информ.-изд. отдел ЕДС, 2014. — 192 с.

ISBN 978-5-8295-0245-4

12 февраля 2013 г. в Екатеринбурге прошла Всероссийская научно-богословская конференция «Церковь. Богословие. История», организованная Екатеринбургской духовной семинарией. В сборник вошли доклады на различные богословские и церковно-исторические темы.

Издание предназначено богословам, историкам, филологам и всем интересующимся.

Статьи публикуются в авторской редакции.

УДК 250.5
ББК 86.2/3

ДИНАМИКА МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОГО КОНФЛИКТА НА РУСИ В XI–XII ВЕКАХ

В современной исторической науке все чаще звучат слова о том, что разделение Церкви на Восточно-православную и Западную католическую не может быть сведено к какой-либо одной конкретной проблеме, а является как результатом накопившихся противоречий, так и общецивилизационных сдвигов. Так, прежние попытки свести причину раскола к территориальным спорам патриархатов в Иллирике, конфликт характеров сильных лидеров, канонические претензии и даже богословское разномыслие более не могут быть признаны удовлетворительными. Все перечисленные обстоятельства сопутствовали разделению Церкви, были поводом к нему или даже одной из причин разделения, однако сегодня стало очевидно, что они слишком локальны, чтобы объяснить такое грандиозное (в рамках человеческого бытия) событие, как разделение христианства на две почти самостоятельные конфликтующие традиции¹.

Поскольку разделение Церкви стало результатом множества значительных и незначительных причин, теперь едва ли возможно назвать более или менее точную дату, когда схизма стала окончательным фактом. Прошлые попытки (еще вполне живучие по сию пору) определять момент раскола 1054 годом сегодня звучат неубедительно. Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что события 1054 года, с точки зрения канонического церковного права, с позиций которого эти события традиционно и оцениваются, совершенно не соответствовали действовавшему тогда правовому полю. Кардинал Гумберт не был уполномочен

¹ Соколов Ю. А., Костромин К. свящ. Кризис средневековых универсумов на стыке Романской и Готической эпох в знаковой системе Средневековья // Культурные коды Средневековья / под ред. А. К. Гладкова (в печати). — Использованное в заголовке понятие «межконфессиональный», конечно, является ретроспекцией, указывающей более не на то, какие события рассматриваются в статье, а на то, какими глазами на них смотрят.

выписывать отлучительную грамоту ни вселенским церковным правом, ни лично папскими инструкциями. Патриарх Михаил Керулларий превысил свои полномочия относительно церковно-дипломатической практики². Характерно, что не только периферийные центры (такие, как Русская митрополия), но и император Алексей Комнин не восприняли события 1054 года как имеющие глубокое значение³. Император продолжал обычное дипломатическое общение с папским престолом, что как бы дезавуировало прозвучавшие взаимные анафемы (император имел право на такие действия как глава византийской теократии⁴).

Правда, нельзя отрицать того, что полемика между представителями Западной и Восточной Церквей, впервые вспыхнувшая в ходе межличностного конфликта патриарха Фотия и папы Николая I, получила мощный толчок и, кажется, постепенно стала проникать и в массы в сравнительно скором времени после упомянутых событий. Но характерно, что она не имело еще практически никакого значения к началу Крестовых походов, поскольку первые контакты византийцев и западных крестоносцев были вполне позитивными⁵.

Иными словами, разделение Церкви — это значительно растянутый во времени процесс, в ходе которого задействовались все новые и новые причины и поводы к разрастанию конфликта. Процесс этот характеризуется не только тем, что шел по нарастающей, позволяя выделять доминанты, но не позволяя сводить его к какому-то конкретному событию, но и тем, что он имел крайне расплывчатые границы, что особенно ярко показал в своей работе

² Бармин А.В. Полемика и схизма. М., 2006. С. 195–212. См.: Рансимен С. Восточная схизма. Византийская теократия. М., 1998.

³ Катанский А. История попыток к соединению Церквей Греческой и Латинской в первые четыре века по их разделении. СПб., 1868. С. 44–48.

⁴ Величко А.М. Политико-правовые очерки по истории Византийской империи. М., 2008. С. 46–59.

⁵ Успенский Ф.И. Очерки по истории византийской образованности. История крестовых походов. М.: Мысль, 2001. С. 332, 336–337; Пападакис А., Мейендорф И., прот. Христианский Восток и возвышение папства. Церковь в 1071–1453 гг. / пер. с англ. А.В. Левитского, У.С. Рахновской, А.А. Чеха. М., 2010. С. 130–134; Малето Е.И. Антология хождений русских путешественников. XII–XV века. Исследование, тексты, комментарии. М., 2005. С. 163–220.

Вильгельм де Фрис⁶. Едва ли можно увидеть принципиальную разницу между схизмой патриарха Акакия и схизмой патриарха Фотия, с единственным исключением — Фотий по своей инициативе дополнил личные неприязненные отношения с папой полемическим выпадом против особенностей западной церковной традиции. Точно так же едва ли можно зафиксировать конкретные следы ухудшения отношений между западными крестоносцами и византийцами от Первого крестового похода ко Второму, а от Второго к Третьему. Однако результат Четвертого похода показал, насколько за прошедшие сто с небольшим лет углубилась пропасть между этими этно-религиозными общностями (перефразируя положение Л. Н. Гумилева о западноевропейском суперэтносе как *Rex Christiana*)⁷.

Сказанное позволяет заключить: конфликт, протяженный во времени, не мог не иметь определенной динамики своего развития, в которой можно наблюдать кризисы (или пики) и затишья. Динамика конфликта Константинопольской Патриархии и Римского апостольского престола известна достаточно хорошо, хотя в данном ракурсе еще, насколько нам известно, все же не изучалась. Однако важно отметить: динамика разделения должна была быть и была различной в разных регионах культурного пограничья.

Для иллюстрации можно привести пару примеров. Балканские народы проживали в непосредственной близости от центров как греческой, так и латинской традиций, на их стыке. В наибольшей степени это проявилось в IX веке, когда территория Балкан оказалась охвачена христианской миссией, в которой благодаря грамотной организации, финансированию и удачному сочетанию элементов культурного воздействия и социального обустройства славянских народов доминировало латинское духовенство. Латинской миссии невольно противостояла деятельность равноапостольных братьев Константина (Кирилла) и Мефодия, которые

⁶ Фрис де В. Православие и Католичество. Противоположность или взаимодополнение? Брюссель: Жизнь с Богом, 1992. С. 27–89.

⁷ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990. С. 112–113.

исходили из — в какой-то степени — противоположных установок на методы христианизации и отношения к местным властям. Однако несмотря на то, что христианизация прошла бурно и привела к известному успеху, несмотря на то, что территории латинской и греческой (кирилло-мефодиевской) миссий оказалось естественным образом разграничены (к примеру, Болгария пошла по пути восприятия восточной традиции, а Чехия выбрала связи с Священной Римской империей), на Балканах сохранилось вполне мирное сосуществование как обеих традиций, так и различных, но взаимопризнающих друг друга иерархий⁸.

Другой пример — крестоносцы Первого похода и Восточная Церковь. В современных пособиях иногда указывается, что взятие крестоносцами Иерусалима в 1100 году повлекло за собой фактическую ликвидацию Православной патриархии и насаждение латинской культуры в Иерусалимском королевстве⁹. Этому утверждению противоречат описания Иерусалима, оставленные русскими паломниками — игуменом Даниилом, побывавшим в Святой Земле сразу после образования латинских государств Леванта, а также Евфросинией Полоцкой, посетившей Иерусалим в середине XII века. Они оба оценили прием, новых хозяев и сделанное ими в Святой Земле исключительно позитивно. Более того, Даниил сослужил в храме Гроба Господня православному патриарху в присутствии короля Балдуина, отметив при этом, что латинское духовенство, пройдя совместным с местным духовенством крестным ходом от монастыря святого Саввы до храма Гроба, осталось молиться вне кувуклии.¹⁰ Он подразумевает, что была найдена удачная формула сосуществования и даже общения духовенства двух церковных традиций. Такие примеры свидетельствуют, что противостояния между ними в Палестине в тот момент не было.

⁸ Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия / отв. ред. Б. Н. Флоря. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 267–339; Сказания о начале славянской письменности / вступ. ст., пер. и ком. Б. Н. Флоря. М., 1981. С. 5–70.

⁹ Пападакис А., Мейендорф И., прот. Христианский Восток и возвышение папства. Церковь в 1071–1453 гг. С. 135–136.

¹⁰ Малето Е. И. Антология хождений русских путешественников. XII–XV века. С. 203.

Сходным культурным пограничьем была и Киевская Русь. Граница с Польшей и Венгрией, где активно работали латинские миссионеры, а также тесные связи с Чехией и Скандинавией, которые также в конечном итоге остановили свой выбор на западной церковной традиции, являются свидетелями того, что восточно-православная традиция, рано установившаяся на Руси, также была поставлена в положение оппонирующей по отношению к ближайшим соседям¹¹. С православными государствами Русь не граничила, поскольку степи, разделявшие Русь и Болгарию, не были пусты, а с Византийской империей у нее и не могло быть общих границ. Есть и еще одно важное обстоятельство — историческая память Киевской Руси уходила в сравнительно далекое прошлое, если учесть, что установление государственности на Руси может быть зафиксировано не ранее правления княгини Ольги (а по многим параметрам — намного позднее)¹². Автор Повести временных лет начинает историю «Русской земли» с 860-х годов, относя к этому периоду появление таких варяжских правителей, как Аскольд, Дир и Рюрик (вопрос о достоверности сведений, сообщаемых Повестью временных лет, и выяснения обстоятельств появления этих лиц на исторической арене не входит в задачи данной работы). Однако первые споры, которые квалифицируются современными учеными как начальные в истории разделения Церкви, начались в эти же годы.

Появление антилатинской полемики в Византии относится к 860-м годам. Русская Церковь в тот момент еще не существовала, поэтому споры патриарха Фотия и папы Николая еще не могли коснуться Руси, однако когда полемика доберется до нее, послание Фотия появится здесь одним из первых¹³. Более того, следы проникновения христианства на Русь были настолько

¹¹ Рогов А. И. Чешское наследие в культуре Древней Руси // История, культура, фольклор и этнография славянских народов. VI Международный съезд славистов (Прага, 1968). Доклады советской делегации. М.: Наука, 1968. С. 122–123; Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия, 2005. С. 365–409.

¹² Пузанов В. В. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск: Изд-во Удмуртского университета, 2007. С. 258–260.

¹³ Попов А. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI–XV вв.). М., 1875. С. 6–16.

плюралистичны, что получили у автора Повести временных лет характеристику «выбора веры»¹⁴. Подробностей он не описал, но благодаря иностранным источникам контекст выбора веры, кажется, вполне восстановим. Прежде всего, следует вспомнить княгиню Ольгу, крестившуюся в Константинополе и запрошившую Священную Римскую империю о присылке епископа¹⁵. Далее, если отождествлять летописного Рюрика и Рорика Фрисландского, то альтернативность выбора веры выглядит весьма солидно: Рюрик, крестившийся в Ингельгейме, был представителем западной традиции, а Аскольд, крестившийся в Константинополе — восточной¹⁶. Однако, нужно признать, в приведенных примерах нет ни малейшего намека на конфликтность христианских традиций. Убийцами князей-христиан становились до истории с Борисом и Глебом только язычники: Аскольда убил язычник Олег, а не Рюрик, Ярополка убил еще в бытность язычником Владимир.

Первые примеры полемики летописец предпослал рассказу о Крещении Владимира, а также добавил фрагмент антилатинского произведения в т. н. «Поучении корсунских попов»¹⁷. Однако, не говоря уже о том, что сами вставки были «ретроспективно» вправлены в историю Крещения князя при составлении летописного свода в начале XII века, они явно не согласуются ни с контекстом «выбора веры» (сам «выбор» в Повести временных лет носит смеховой характер), ни с реальной историей антилатинской полемики. Поэтому данные фрагменты свидетельствуют о полемическом накале в начале XII века, когда создавался текст

¹⁴ Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М.: Языки русской культуры, 2001. С. 391–393; Костромин К. А. Первоначальные церковные контакты Руси с Западной Европой // Клио. 2010. № 2. С. 132–140.

¹⁵ Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. II: Византийские источники / сост. М. В. Бибииков. М., 2010. С. 143–146; Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. IV: Западноевропейские источники / сост., пер. и коммент. А. В. Назаренко. М., 2010. С. 45–49.

¹⁶ Костромин К. А. Церковные связи Древней Руси с Западной Европой (до середины XII в.). Страницы истории межконфессиональных отношений. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2013. С. 57.

¹⁷ Повесть временных лет / подг. текста, перев., статьи и комм. Д. С. Лихачева; под ред. В. П. Андриановой-Перетц; изд. 2-е, исправ. и доп. СПб., 1999. С. 40, 51–52.

свода, а не о якобы бывших поучениях конца X века. Собственно, дальнейший ход истории подтверждает обоснованность нашего недоверия — вплоть до конца правления Ярослава Владимировича нет даже косвенных свидетельств о противостоянии христианских традиций на Руси (если не обращать внимание на некую заостренность проблемы «Восток—Запад» в ситуации с Борисом и Глебом¹⁸).

Первые следы противостояния, которые фиксируют историки, являются, надо полагать, прямым следствием событий 1054 года. В Киеве митрополитом Ефремом был написан антилатинский трактат (если только датировка его правления верна, ср. мнение Д. Г. Хрусталева¹⁹). Однако даже если этот текст и был написан именно в Киеве и именно сразу после 1054 года, то он все равно может не приниматься нами во внимание, так как, будучи написан на греческом языке, он не был переведен на славянский и не имел никакого влияния на чье бы то ни было настроение на Руси. То же самое касается и послания митрополита Леонтия Переяславского, написанного, судя по всему, в 1070-е годы²⁰. Таким образом, дата — 1054 год — не сыграла роли в повышении динамики межконфессионального конфликта на Руси. Она не была замечена ни летописцами, ни агиографами, не знавшими никакой точной даты, которой можно было бы определить точку начала разделения.

Первые четкие указания на рост конфликтных настроений относятся к началу XII века. Здесь необходимо вспомнить и антилатинские вставки в Повести временных лет, и послания митрополита Никифора, и кризис Киево-Печерского монастыря²¹.

¹⁸ Костромин К. А. Борисоглебская проблема: вопрос доверия источникам // Русские древности: сб. науч. тр. к 75-летию профессора И. Я. Фроянова / Труды исторического факультета СПбГУ. Т. 6. СПб., 2011. С. 55–70.

¹⁹ Чичуров И. С. Схизма 1054 г. и антилатинская полемика в Киеве (середина XI — начало XII в.) // *Russia mediaevalis*. Bd. 9. München, 1997. S. 43–53; Хрусталева Д. Г. Разыскания о Ефреме Переяславском. СПб.: Евразия, 2002. С. 307–339.

²⁰ Поппэ А. В. Русские митрополии Константинопольской Патриархии в XI столетии (окончание) // Византийский временник. Т. 29. М.: АН СССР, 1969. С. 95–104.

²¹ Творения митрополита Никифора / изд. подг. С. М. Полянским. М., 2006. С. 124–184; Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 2003. С. 175–222.

Однако степень конфликтности нельзя преувеличивать. Произведения уже упоминавшегося игумена Даниила, копирование практики крестовых походов, постройка в Новгороде немецкого двора²² и другие сюжеты указывают на попытки сохранения традиционно мирных и конструктивных отношений с западноевропейской церковной традицией.

Вероятно, далее конфликтные отношения шли по нарастающей. Однако утверждать это сегодня вряд ли возможно — слишком мало сведений оставили источники об этом периоде, часть данных носит фрагментарный характер²³. Причина этого — и в общем кризисе государственности и культуры Руси, обеспечившем ее распад и в смене, культурных парадигм, окончательно разделивших Западную Европу и христианский Восток. И в том, что западноевропейские хронисты и агиографы потеряли и ту малую толику заинтересованности в русских делах, которые демонстрировали авторы XI века (в XII веке редкая германская хроника обходилась без известий о Руси, однако, не говоря уже и о том, что в них нет конфессионального ракурса, они представляют собой не более чем шаблонное воспроизведение тех сведений, которые ранее были зафиксированы в хрониках в XI века).

Очевидно, что славянский мир (и в частности Русь) пришел к конфликту традиций совершенно по иным причинам, нежели германский мир или Византия. Последние переживали гибель универсума, которому когда-то пытались продлить жизнь. Римская империя едва не рухнула целиком, ее спасло лишь принятие христианства как новой универсальной идеи взамен отжившей антично-языческой. Теперь этот имперско-религиозный универсум раскололся и сам себя упразднил. Славянский мир в X–XIII вв. еще не гнался за идеей принять участия в создании подобного универсума. Поэтому и конфликт, ставший дипломатическим штампом, не переживался на Руси вплоть до эпохи Ивана III, когда Русь, также вставшая на путь имперского

²² Костромин К. А. Церковные связи Древней Руси с Западной Европой (до середины XII в.). С. 177–178.

²³ Рамм Б. Я. Папство и Русь в X–XV веках. М.; Л., 1959. С. 87–180.

строительства, попыталась дружить с миром западной традиции, но это оказалось невозможным.

Теперь, ретроспективно, когда и XIII и XV века почти равноудалены от нас, стало общепринятым мнение, что выбор стратегии Руси, находившейся между западной рыцарской и восточной монгольской угрозами, сделанный князем Александром Невским, оказался правильным²⁴. Отношения Руси с Западом портились по мере поступления сведений о результатах внедрения католицизма в Литве, ставшей частью Речи Посполитой. Ситуация оказалась накалена еще больше после образования централизованного Русского государства. Однако на путь неприятия католичества Русь встала в XII веке и завершила его при Василии III и Иване IV. И этот выбор был обусловлен не прихотью ключевых исторических фигур, а острой политической необходимостью и самим ходом истории.

²⁴ Гумилев Л. Н. Александр Невский и восточное христианство // Князь Александр Невский: мат-лы научн.-практ. конф. 1989 и 1994 гг. Колпица / отв. ред. Ю. К. Бегунов и А. Н. Кирпичников. СПб., 1995. С. 73–78.